

Александр Берлин

**О блокаде
Ленинграда
и о другом, о чем
не могу забыть**

Александр Берлин

**О блокаде Ленинграда и о
другом, о чём не могу забыть**

«Издательские решения»

Берлин А.

О блокаде Ленинграда и о другом, о чём не могу забыть /
А. Берлин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903608-7

Прошло уже 70 лет со дня блокады. Уже это событие можно переводить в разряд истории — Битва Дмитрия Донского, Бородино. «Да! Были люди в наше время!». Но я чувствую, что уроки забыты и уже фашисты не стесняются говорить об этом, уже можно делать пародии на святые фильмы и многое другое. Но я еще раз пишу: «Будьте бдительны!». Вспоминайте, воспитывайте себя — это не история — это самосохранение. Вторая часть книги — память о КБ и НИИ, которые ушли в прошлое или перешли полусонное состояние.

ISBN 978-5-44-903608-7

© Берлин А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Воспоминание о блокаде Ленинграда	7
Вступление. Начало	7
Начало	8
Бомбежки	10
Первый снаряд	11
Глубинная бомба	12
Дуранда	13
Про буржуйки и	15
Вода	18
Пленные немцы	19
Расцвет и смерть конторы	22
Часть первая.	22
Вступление к первой части	22
Глава 1.1	22
Глава 1.2	24
Глава 1.3	26
Глава 1.4	27
Глава 1.5	32
Глава 1.6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

О блокаде Ленинграда и о другом, о чём не могу забыть

Александр Берлин

© Александр Берлин, 2018

ISBN 978-5-4490-3608-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга содержит мои воспоминания.

Первое это о всемирно известной трагедии и мужестве людей – БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Второе – более локальная трагедия, которая задела многих в России, но менее известна – это конец большинства Научно – Исследовательских Институтов (НИИ).

Эти воспоминания были написаны только благодаря поддержке читателей. Прозы. РУ (proza.ru).

Для ориентации читателей привожу по одному отзыву на каждое из этих воспоминаний.

О блокаде Ленинграда.

«Восхищаюсь вами! Спасибо, что не озлобились и не потеряли человеческое лицо. Написано, очень интересно и познавательно. Впервые читаю воспоминания о войне детскими глазами. Спасибо.

Я плачу. Спасибо, что помните! Спасибо, что делитесь этим.

Блокада – незабываемая боль всех ленинградцев, даже тех, кто родился позже.»

О повести «Расцвет и смерть конторы».

«Огромное спасибо! Это повесть о моём времени, ну, может, разница в несколько лет. Страшно не то, что у героя всё получилось вот так, страшно то, что всё, над чем с таким азартом и радостью трудились молодые гениальные умы (да-да, я сознательно выбрала это слово!), оказалось заброшенным и ненужным, как и вся, не самая плохая, жизнь нашего поколения. Может быть, позже, когда уже не будет нас, всё придёт в норму, а пока я с глубокой тоской смотрю назад и думаю: вот зачем мы жили и работали? Чтобы небольшая группа людей сейчас жировала? И не нахожу ответа... Так это я, которая ничего не привнесла в копилку науки и достижений. А каково тем, кто всё создавал? Спасибо за прекрасную повесть, замечательный стиль и слова, которые заставляют думать».

В начале хочу поблагодарить участников прозы.ру Владимира Репина и женщину под ником «Такая есть другой не будет».

Без них я бы не решился сосредоточить память на детских годах. Таких давних, что не всегда можно их избавить от более поздних знаний.

Воспоминание о блокаде Ленинграда

Вступление. Начало

Как всегда, перед тем как писать меня одолевают сомнения. Надо ли писать? Так ли ценны мои воспоминания? Смогу ли я донести то, что я думаю или думал, что я чувствую или чувствовал.

Но я взялся за эту работу.

Первое – это обращение к вам, не устаю про себя повторять слова чешского писателя Фучика, который погиб в фашистской тюрьме: «Люди я любил вас. Будьте бдительны».

Прошло уже 70 лет со дня блокады. Уже это событие можно переводить в разряд истории – Битва Дмитрия Донского, Бородино. Да были люди в наше время!

Я чувствую, что уроки забыты и уже фашисты не стесняются говорить об этом, уже можно делать пародии на святые фильмы и многое другое.

Но я еще раз пишу: «Будьте бдительны!». Вспоминайте, воспитывайте себя – это не история – это самосохранение.

Второе замечание – это про себя.

Я не все помню, как это было на самом деле. Я был достаточно мал от 5 до 7 лет. Я могу не точно помнить адреса, марки самолетов, даты. И не хочу проводить историческое исследование.

Хочу изложить почти так, как мне это до сих пор снится.

А снится мне солнечный день, я гуляю с сестрой в освещенном солнцем переулке, и вдруг на меня пикирует немецкий самолет. Он почти игрушечный, но пулемет настоящий. И чувство беспомощности заливаает душу до полного пробуждения.

Буду вспоминать медленно и под настроение

Начало

Чем ближе к началу, тем сложнее писать. Но наш двор – колодец необычайно заполнен людьми. Мы – дети не очень рады, что нам мешают играть в прятки, пятнашки и прочую чепуху.

Хотя в углу двора сидит тихо Васька Финякин – хулиган и повелитель двора, который не раз пугал и разгонял нас. Это был великовозрастный предводитель шпаны, но почему – то его всегда тянуло разбираться с малышней, давать поручения и строго спрашивать.

Взрослый народ как-то собрался кучей вокруг очень важной фигуры. Это был одноногий управдом Сергей Иванович.

Управдом тогда был важной фигурой, да и потом в суровые дни войны – он сплавивал жителей дома и помогал. Но в это момент вокруг него часто звучало слово «война».

Все склонялись, что это будет не долго. Как теперь я понимаю, другого мнения и не могло быть. Я помню моего красивого брата. Он был на 14 лет старше меня. Был объектом притязания многих девчонок. Как он доводил мою мать своими ночными задержками. Он стоял в летней рубашке с короткими рукавами – тогда их называли «бобочками» и улыбался. Жизнь была прекрасна.

Он подал документы в строительный Институт. Но все с этих пор пошло не так. Всех, кто поступил в строительный институт на его факультет, послали в тыл – на Волгу, на артиллерийские 3-х месячные курсы, и далее на передовую. Он провел на передовой почти всю войну. Остался жив и дослужился до капитана. Но жизнь была сломана. Он ничего не умел даже в армейском деле, кроме того, как заряжать и командовать пушкой. Всю жизнь он страдал, любил рисовать, что делал хорошо. Но уже этим после войны не занимался. Первые дни после войны он встречался с однополчанами. Но в основном они пили (совсем не так как в фильме «Белорусский вокзал»). Потом он служил в Прибалтике, а потом на Сахалине. Когда при Хрущеве была сокращена армия, он пришел домой и, не имея профессии, был грузчиком в соседнем магазине. И, наконец, выучился на наладчика электронной аппаратуры. У него была прекрасная семья. Но всю жизнь была тоска о чем-то, что ему не удалось свершить. И он умер неожиданно, когда оставался один в садоводстве.

Вспоминаю уже упомянутого Ваську Финякина. Во время блокады он вдруг пришел к нам. Оказалось, что у него не осталось родственников. Он был солдатом в военной форме. Это был не хулиган, а несмотря на свою молодость, пожилой, много испытавший человек.

Он мне подарил маленькую скамейку, которую сделал сам. Они с мамой сидели молча, иногда произнося слова.

Он сказал просто и тихо.

– «Простите меня за все грехи».

– Что ты Вася, никакого зла мы не помним

Выяснилось, что он воюет на Невском Пятачке. Напомню это, был небольшой участок побережья Невы примерно 2,5 км. Он легко простреливался и был лакомым местом для немецких самолетов. По различным подсчетам там полегло свыше 50 тыс. человек.

– Я, наверное, завтра умру.

Это было сказано так обыденно и тихо.

Умирали, каждый день десятки и мы разучились, и рыдать и научились не устраивать поминки и истерики.

– Почему ты так думаешь?

– Завтра мы должны форсировать Неву, а я плавать не умею. Сказали, что, таким как я, дадут бочки.

Он погладил меня по голове. И ушел в вечность.

Странно был человек, и нет его, а скамейка стоит. И мой сын учился в неё забивать гвозди, и сейчас в садоводстве она стоит на крыльце и ничего ей не делается.

И звучит песня Окуджавы про Леньку Королева, «не для Леньки сырая земля» хотя для меня эта песня звучит гораздо грустнее.

Бомбежки

Бомбили Ленинград часто. Днем стреляла крупнокалиберная артиллерия, а ночью чаще всего прилетали бомбить самолеты с зажигательными бомбами. Для борьбы с ними на крыше дежурили целые подразделения из жителей дома. На крыше были установлены ведра, бочки с песком. Там же висели специальные хваталки с длинной ручкой. Бомбу – зажигалку, упавшую на крышу надо было схватить и закинуть в песок. Это вполне мог сделать и я. Тем более, что блокадные матери, предпочитали водить с собой детей, чтобы, погибнув не оставлять сирот.

Я выходил на все дежурства с мамой. На мне был противогаз (на случай газовой атаки), я был в ватнике, из-под которого торчали ноги в коротких штанишках и в чулках в резиночку.

Дежурство нужно было нести у ворот дома, заставляя прятаться во время атаки жителей, идущих по улице.

Это была тоже опасная работа. Поскольку были и осколочные бомбы, которые тоже могли ранить. При мне была сцена, когда погиб молодой офицер. Он приехал на два дня к семье и вышел во время налета покурить в подворотню. Взрывной волной сорвало кованые решетчатые ворота и его придавило. Когда мы с мамой подбежали, он был жив и даже говорил: «Поднимите, решетку», Решетка была поднята прибежавшими людьми, но он тут же скончался. Это была первая смерть, при которой я присутствовал рядом. Прибежали санитары, и прибежала его жена. Она с ненавистью поглядела на всех: «Отойдите, дайте ему после смерти подышать! Сволочи, зачем вы подняли ворота до прихода врача?» (тогда не хватало машин и бензина, и врачи подбегали из ближайших медпунктов).

Мы стояли все молча, и даже я понимал, что возражать и доказывать что-то бесполезно.

Первый снаряд

Первый снаряд в наш дом упал уже в середине блокады. Мы уже приспособились к бомбежкам (если к этому можно привыкнуть). Одно из правил, было – «не прятаться»

Дело было в том, что уже к середине блокады многие поняли, что в бомбоубежищах, в подвалах – спасение от бомб относительное. Примитивные бомбоубежища заваливал разрушенный дом, и часто люди там погибали либо раздавленные обломками, либо задохнулись отравленным воздухом.

В доме были включены радиорепродукторы. Суровый голос диктора взывал: «Объявляется воздушная тревога! Объявляется воздушная тревога! Населению предлагается укрыться!». Я поплотнее накрывался одеялом, чтобы не слышать шума летящих самолетов и взрывающихся бомб, и засыпал, как только спят дети.

Но однажды наш дом трянуло. Когда мы все выскочили на улицу, мы увидели, что с одного корпуса нашего дома снесло крышу. Вырванная балка от крыши качалась и должна была упасть, но не падала. Этот корпус был пуст, поэтому никого не убило, да и пожара не было. Это был просто артиллерийский снаряд, который не причинял такого ущерба как самолетные бомбы.

На другой день в разрушенную квартиру была организована экспедиция. Управдом (одноногий инвалид) Сергей Иванович, моя мама и мы несколько пацанов.

Мы шли по пустой лестнице, окна без стекол пугали. Когда мы поднялись и вошли в квартиру, посередине комнаты стояло чудо – конь – качалка. Нашему детскому восторгу не было предела. Взрослые пытались столкнуть балку, а мы по очереди играли в казаков, которые побеждают фашистов (Фрицов).

Глубинная бомба

Более серьезно уже было в конце блокады.

Я сидел дома, хотя была объявлена тревога. Вдруг дом дрогнул. Стекла на окнах были заклеены бумагой крест=накрест, чтобы не разлетелись. Были спущены шторы, ночью, открытая штора приравнивалась к предательству, так как могла навести бомбардировщики на цель. Стекла задрожали, но не вылетели.

Мама сказала: «Это соседний дом».

Я выбежал первый. Взрослые спешили, но им нужно было подготовиться, взять инструменты, распределится по командам (санитары, откапыватели и прочее). Я подбежал к дому. Глубинная бомба как разрезала дом, но не взорвалась в основании. В разрезе на всех этажах были видны комнаты и даже не тронутая мебель.

Вдруг на третьем этаже я увидел моего приятеля Вовку. Детей в то время было очень мало. Мы иногда играли вместе под наблюдением матерей. Моя и его матери работали уборщицами при жактах (домоуправлении).

Я крикнул: «Вовка слезай!».

Но это было не так просто. Лестница, которая уцелела, состояла из кусков, и некоторые куски надо было переползать через еле держащие ступени. Наконец, он слез. Тихо и просто сказал: «Мамку убило!»

Мы пошли в наш двор, и просто стояли. Вовка был напуган, но не плакал.

Мы прогуляли в закоулках двора часа два. Хотя гулять без взрослых было страшновато, говорили о случаях каннибализма и дети этого боялись. А потом я сказал ему: «Айда! К нам!».

И мы пришли в нашу квартиру. Мамы не было дома. Мы просто сидели. Есть было нечего, игрушек не было, правда, в одном из разбомбленных домов я нашел открытки, и мы их смотрели.

Мать пришла поздно. И увидев Вовку, прямо рухнула на табуретку.

Я не ожидал такой реакции.

– Ты кого привел?

– Ты подумал, что нам самим есть нечего?

Она голосила так, что собрались соседи и вездесущий управдом Сергей Иванович!

Все стояли молча. А что можно было советовать или говорить. Маму Вовки не нашли (не откопали), карточек нет.

Что делать дальше? Никто не знал.

Потом мать выдохнула: «Оставайся!» и всем стало легче.

Все разошлись.

Мы остались одни. У меня был завернут в платок кусок «дуранды», так называли жмыхи, от подсолнечных семечек. Эти жмыхи в блокаду выдавали вместо хлеба.

Я растягивал небольшой кусочек на день. Ел только когда уже не мог терпеть рези в желудке.

Наш ангел – хранитель одноногий Сергей Иванович с трудом восстановил на Володю продовольственную карточку.

Он у нас пробыл до того момента, когда его удалось переправить по «Дороге жизни». Далее он был эвакуирован и по слухам после войны его нашел отец или родственники отца.

Дуранда

Дуранда, о которой я сказал выше, требует особого отступления

Как я помню, настоящего хлеба в Ленинграде не было. По слухам все запасы муки и сахара сгорели в сентябре 1941 года на Бадаевских складах.

Я, конечно, не видел этого пожара, но слышал от старших людей. Они друг другу шопотом рассказывали о черном дыме, покрывшем Бадаевские склады и о том как текли ручьи подпаленного сахара. Я очень хотел очутиться рядом, чтобы макнуть ломтик жмыха в эти ручьи.

Говорили о том, что немецкие самолеты навели на склады ракетчики. На дежурствах все всматривались вдаль, выискивая загадочные зеленые ракеты, но только ловили тех кто плохо соблюдал светомаскировку.

А соблюдать её было легко, потому что стеорина, из которого делали свечи не было и его использовали многократно, закатывая нитки в «новые свечи». Еще было какое-то техническое масло, но это было мало достижимо. Так что зря светить никто не хотел.

В декабре ломтик хлеба сократился до 125 граммов. Это срез буханки на 2—3 сантиметра. И то дневную норму хлеба надо было получить по карточке, отстояв в очереди. Уже в конце блокадного периода я узнал о людях (условное название этих тварей), которые в блокадное время покупали рояли и мебель у людей за буханку хлеба. Ненависти моей не было предела. Она жива до сих пор.

То что иногда я встречаю упоминание о нормах макарон и вермишели, у меня это вызывает недоумение. В ночной голодной очереди, была мечта, чтобы утром в магазине оказалась дуранда. А то и её не было.

Далее помню, как начиналась цинга. Это болезнь, которая развивается от отсутствия витамина С. Я не медик, тем более не был им тогда, но знал, что сначала бледнеют десны, потом вываливаются зубы.

Помню, какое счастье было, когда мать приносила еловые ветки и варила из них отвар. Этот кисленький отвар мне казался самым вкусным в мире.

Дуранду я боготворил. Она как то отвлекала. Чувства голода я не помню, может привык к тому, что было. Но когда можно было пососать чуть-чуть дуранды, это было вкуснее теперешних конфет и разносолов.

Скажу, что уже совсем недавно, я увидел в дорогом магазине, небольшие кирпичики хлеба, о которых в рекламе было написано: «Жмыхи подсолнечные. Отличный способ похудения». Я не вдавался в подробности и истину этой рекламы. Я купил этот кирпичик и дома отрезал кусок. Положив его как раньше на язык и начал посасывать. Ничего прошлого я не испытал, скоро кусочек рассосался на какие —то нитки, и не было вообще никакого вкуса. Но в блокаду это было спасение.

Есть надо было уметь, пить тоже. Я и сегодня поражаю окружающих тем, что не могу напиться теплой водой любого типа (чай, кофе, молоко). Чтобы напиться мне нужна холодная вода. Теплая вода – это еда типа супа.

Ее надо было, и пить особо. Сначала берешь в обе руки кружку и греешь руки, а потом прихлебываешь потихоньку, получая удовольствие от разливающегося тепла.

Среди «лакомств», которые я вкусил в те годы, но уже ближе к лету, были суп из лебеды и крапивы.

Конечно, и сейчас я могу его приготовить, но если добавить огурцы, нарезанные кубиками, укроп и сметану.

Тогда я даже не слышал эти названия – сметана. Я первую булку попробовал, когда прорвали блокаду, и мой дядя, приехав в увольнительную, привез из своего пайка. А шоколадную

конфету попробовал в 1947 году (после первого снижения цен). Но это можно рассказывать о всех детях войны.

Про буржуйки и Самый страшный эпизод

Весной 1942 года, были организованы огороды. Наш огород находился за охтинским мостом. Насколько я могу сейчас восстановить в районе Уткиной заводи.

Нам раздали «глазки». Это вырезанные ростки картошки. Наш управдом организовал грузовик. Это было большое достижение. Уже в городе давно не было бензина, и я помню чудо – автомобиль, который двигался на дровах. Вид у него был обычный, но позади кабины была какая-то колонка, которая топилась дровами (чурками). Это совсем недавно я узнал, что газогенераторные двигатели производили углекислый газ. Тогда мама мне сказала, чтобы я не подходил близко, а то «угорю».

Мы садились в кузов и ехали через весь город. Тогда еще не было моста Александра Невского, и нас через Неву перевозил паром. Это был маленький парходик. По обе стороны Невы были сделаны навесы, под которые приставал парходик. На навесах росла трава, это минимально маскировало парходик.

Мама ревностно относилась к нашему огородику, и к нашему удивлению там, что-то росло. Но однажды мама решила съездить дополнительный раз. Как мы добрались до переправы, я не помню. Помню, что мы были одни на поле.

В эти дни немцы интенсивно бомбили город. Шли волна за волной. Отбомбившись, они шли как раз над нашим полем.

Вдруг я заметил, что из пролетевшей группы отделился самолет. Это был Юнкерс. Его мы хорошо знали. Все мальчишки говорили, что немцы к крыльям этих пикирующих штурмовиков приваривали рельсы, в которых просверливали отверстия. Когда он пикировал для атаки, они издавали такой звук, что он просто парализовал людей. Как я узнал впоследствии, эта наивная версия была близка к истине.

На самом деле они были оснащены сиреной, которая приводилась в действие потоком набегавшего воздуха, и производила вой во время пикирования, оказывая психологическое воздействие на противника.

Мы с мамой залегли между грядками. Защита была слабая. Самолет пролетел на очень низкой высоте, что еще больше пугало. Я, как до сих пор мне кажется, видел лицо пилота, оно было закрыто очками, он улыбался. Дальше произошло невероятное.

Ему оставалось только нажать на гашетку пулемета и прошить нас, но вдруг из самолета вывалился чемодан на веревке, и из него посыпались бумажки (листочки).

Когда он улетел, я побежал собирать эти желто – синие бумажки. Мать еле меня поймала. Рядом было скрытое минное поле, и я мог запросто подорваться.

Она тщательно обыскала меня и выбросила бумажки, которые я подобрал. Она мне разъяснила, что это нехорошие бумажки, где немцы зовут нас перейти на их сторону.

На этом мы быстро засобирались и пошли к парому.

Паром стоял под накрытием, пока мы добирались, пошла следующая волна бомбардировщиков.

Мы сидели внутри парома, я у открытого окошка. Передо мной был швартовой конец. Это толстый канат. Делать было нечего, и я начал его дергать туда-сюда. Кончилось это тем, что он упал в воду.

Я испугался и пересел на другое место. Дальше произошло тоже до сих пор непонятное для меня. Паром начал потихоньку выплывать из укрытия.

Один из пролетающих бомбардировщиков вернулся и скинул бомбу (наверное, небольшую). Парходик подняло на большой волне, после чего он с размаху рухнул назад. Все кто там был, падали и бились об острые края скамеек, но остались живы.

Когда все немного пришли в себя. Вышел капитан, и задал резонный вопрос: «Кто отвязал швартовый конец?».

Все взгляды устремились на меня. Моя хитрость с пересадкой не удалась.

Вся толпа бросилась ко мне. Я не знаю, с какой целью, но моя мать бросила меня на скамейку, и закрыла меня своим телом. Спасти меня от толпы было невозможно. Но вдруг все остановились. Наступила тишина. Капитан, чего – то сказал. Думаю: «Хрен с ним!» и все стали расходиться.

Я поднялся, и из моего ватника выпала листовка, которую мать у меня не нашла. Ее подобрала соседка по скамейке, и снова на пароме начался самосуд. Как нам с мамой удалось выйти из этой ситуации, я не помню, но это осело во мне на всю жизнь

Опять небольшое вступление. Не могу не помянуть рецензию Олега Матисона «как Вы согревались в квартирах вне... , как вода и прочая... – это не чушь».

Благодарю так же автора под НИКом Век Искусства. Все эти рецензенты просто вдохновили на воспоминания.

Слово «буржуйка» известно по сегодняшней день. И даже песня «Вьется в тесной печурке огонь» явно написана про неё.

В блокаду это была металлическая печь, она была предметом роскоши. Известная сегодня на стройках кругленькая печка с высокой трубой встречалась редко. В основном это были ящички на ножках с «Г» – образной трубой.

Во-первых, достать её было проблемой. Не было ни металла, некому было сварить этот металлический ящик.

Мы долго жили без буржуйки. Мы грели кипятком у соседей, которые разрешали нам нагревать воду. Это тоже был великий подвиг, поскольку топливо никто не поставлял.

Блокада породила во мне привычки, которые держаться до сих пор.

Первая, что горячий чай и любая горячая вода – это не напиток, это еда. Так что я наедаюсь, выпив горячей воды. Это подавляет желание съесть еще чего-нибудь.

Второе правило-это чай и горячую воду нельзя пить сразу. Сначала надо сжать слегка стакан в руках и согреть руки. Потом в те годы мы нюхали кипятком, чтобы отогреть нос, а потом выпив чай надо закутаться плотнее, чтобы не растерять приобретенного тепла. В то время дети не приучены были к тому, что будет подано, что-то к чаю.

Наоборот, если ты попил кипятка, обед закончен.

Буржуйку нам принес наш ангел хранитель одноногий управдом Николай Иванович. Кто-то умер и оставил эту печь. Как всегда он был недоволен и выговаривал матери. «Ты что! Как НЕЛЮДЬ!. Ребёнок же маленький.»

Мать молчала. Она молча смотрела на этот невиданный подарок. У нас в комнате, к счастью, был камин. Он остался от хозяев, что жили во всей квартире до революции. У нас в квартире остались только мы с мамой и какая-то женщина. Мы её видели редко. Она приходила раз в неделю и спала.

Управдом сунул трубу в камин и с помощью спичек сделанных из картона, но с нормальной головкой зажег какую-то бумажку и поднес к «буржуйке». Огонь потянулся в печь.

Управдом заметил: «Тяга хорошая!»

Мама растеряно смотрела то на управдома, то на меня. Я стоял, вплотную обняв её теплые ноги. «А чем мы топить будем?»

«Ну, что ты первый день на свете? Походи по квартире, может у кого-то остались книжки!».

Мать испугалась. «Я книжки жечь не буду!».

«Ну и дура! Чего в них хорошего? Толстой, Пушкин, а так ничего больше в них нет. Подумай! Новые напишут».

Он походил по квартире, зашел в крайнюю комнату и, пришел с двумя половицам. и от паркета. На тебе на первый раз! Зря не жги! Только когда замерзать будете или кипятку сделать. Вот и все. Бери из той комнаты. Там уже никто жить не будет, а даст Бог после Победы, новые жильцы сделают новые половицы. Следи, чтобы больше никто не знал об этом топливе.» Он ушел, а мы растянули счастье, и только на другой день затопили буржуйку. И сидели около неё прижавшись, друг к другу. На двух скамеечках. Одна из них еще хранила память о Ваське Финякине. Он так и не вернулся с Невского Пятачка.

Это было счастье. Можно было отогреться, подставить руки, без перчаток, немного расстегнуть ватник и подогреть две металлических кружки чая.

Но как всякое счастье оно было недолгим. Тепло быстро выветривалось, и мы снова ждали следующего раза. Ночью мы снова спали накрывшись всем, теплым что было в доме. Хотя спать из-за воздушных тревог было некогда. Надо было бегать на крышу. Мне часто снился сон, что кто-то приходит и ворует эти половицы, и я однажды оторвал четыре половицы и спрятал. Но все-таки мама заметила, и мы их истопили в свое время.

Вода

Как ни странно в первые дни зимы была вода. Помню, как утепляли трубы в подвалах, Но это в конечном итоге не помогало. Трубы разрывало от морозов. Воду то и дело отключали, а потом отключили насовсем.

Воду добывали из реки Фонтанки. Тогда она еще считалась чистой. Но тогда другой и не было. Как не странно, я не помню, чтобы кто-то болел, особенно простужался. Думаю, что кто болел, в конце концов умирал, а оставались только крепкие. О себе ничего сказать не могу. У меня сохранилась только одна фотокарточка. Там я скелет на тонких ножках. Но то ли гены, то ли мама своими отварами (я уже писал о еловых ветках, которые приносили её подруги с работ по рытью окопов), но простудой я не болел.

Снабжение водой стало вскоре моей обязанностью. У меня были санки, как раз на два небольших ведра. Ведра привязывали к санкам, и я шел на Фонтанку. Там у проруби стояла очередь таких как я детей или совсем старых женщин. Они рассказывали новости. Особенно часто звучал рассказ о «Водопое крыс». Крысы по ночам, а иногда даже утром, шли на водопой. И как рассказывали старухи, если по пути попадался человек, то его мгновенно объедали, до скелета. Я этого не видел. Сейчас я в это мало верю. Но тогда это меня пугало и не зря. У нас за домом был переулок, там был пустырь, где был накопитель трупов. В нашем районе находили трупы и если не могли опознать, то свозили на этот пустырь – накопитель. Далее их вывозили специальные команды. У людей даже не было сил поднимать упавших. Тогда родилась страшная поговорка. «Не надо помогать, сам ляжешь рядом». Но люди помогали. И даже были организованы пункты, куда доставляли упавших, и там их поднимали на ноги, тем, что по возможности кормили и согревали. Я знал некоторых людей, спасенных этой службой.

А на накопителях водилось много крыс, поэтому я боялся ходить туда.

Еще была одна легенда. Это легенда касалась людоедства. Мне не раз рассказывали в этой очереди за водой, что похищают детей. Я боялся всех мужчин, редко попадавшихся по пути. Но я не знаю, чтобы кого-то из моих малочисленных друзей похитили.

Насчет помыться было сурово. Бани открылись после прорыва блокады. Сначала открылась баня около Некрасовского рынка. Но нам было далеко, а потом около нас на улице Достоевского. Мы ходили в баню со своими тазами (шайками). Меня уже не пускали в женское отделение. В бане были большие очереди. Я ходил в баню с дядей с нашего двора. Он собирал всех мальчиков. И мы выстаивали очередь, потом раздевались в большой общей раздевалке. Там строго следили, чтобы мальчики были подстрижены наголо, а то заведутся вши. Особо помню душ. Там тоже стояла очередь. Мыло мне мама давала кусочек, завернутый в тряпочку.

Воды было достаточно и мы с удовольствием наполняли тазы с двух кранов – холодного и горячего. Особым пристрастием нашего сопровождающего были уши. Он лично рассматривал и требовал, чтобы уши «светились». Мы выходили чистые и посвежевшие и так до следующей недели. Но это уже была весна 1943 года.

Вот пока и все, что я помню.

Поскольку я уже начал писать о слухах – это говорит о том, что мои сведения в памяти кончаются.

Поздравляю всех с Днем Победы.

Пленные немцы

Опять с трудом приступаю к воспоминаниям. И только, меня подталкивают отзвывы, за которые я очень благодарен. В них призывают: Пишите! Пишите! Это должны знать!

Мои сомнения, касаются не только точности деталей, но «червь сомнения» не покидает меня всю жизнь.

Надо ли помнить, чтобы прощать или надо помнить, чтобы ненавидеть.

Я так формулирую для себя – надо помнить, чтобы не повторилось.

А теперь к сути. После прорыва блокады, стало вольнее, можно было более свободно ходить по улицам, хотя обстрелы продолжались. Я плохо помню день прорыва Блокады. Помню, что об этом объявили по радио. Репродуктор у нас не выключался даже ночью. Мы давно перестали прятаться в бомбоубежище. Потому что все бомбоубежища располагались в подвалах домов. А смерть в бомбоубежище после обвала дома была настолько ужасна, что все уже предпочитали более легкий способ ухода из жизни.

Диктор торжественным голосом объявил, что войска Ленинградского и еще каких-то фронтов прорвали блокаду, после чего выступил маршал Ворошилов. Под чьим руководством не смогли остановить немцев. Далее, целую ночь по радио выступали рабочие и поэты. Но мне было не до того, я спал. Зато праздник Победы я помню хорошо. Кроме объявлений по радио на улицы высыпала орущая толпа.

Специальные люди бросали листовки. Я хотел принести домой и собрал целую пачку листовок. Я нес их прижав к груди, но пробежавшие мимо девушки вырвали их и я остался один и не знал, как обрадовать маму. Это детское огорчение я хорошо помню.

Это праздник для меня не стал праздником со слезами на глазах Самое большое чувство тогда и до сих пор – ненависть. Я осознал это не сразу.

Через некоторое время после дня Победы, ко мне подошел приятель, Олег толкнул меня плечом:

– Аня сказала, что завтра по Загородному поведут пленных немцев.

Аня – это была наша дворничиха, молодая красавица. Её дворницкую квартиру часто посещали военные. Все красавцы офицеры. И её информация почти всегда была достоверная.

Так что завтра мы были на проспекте с именем «Загородный» недалеко от нашего дома. Мы с Олегом были готовы ждать весь день, но прождали недолго. К нам медленно приближалась колонна. По проезжей части шли пленные немцы. Их с каждой стороны сопровождали конвойные с винтовками наперевес. Винтовки были со штыками. Даже тогда я понимал, что это бутафория, скорее символ. Впереди шел милиционер, вдоль колонны свободно ходили реальные охранники. В колонне шли разномастно одетые «войны». На большинстве сохранились мундиры их военных подразделений. Многие были ранены и шли с перебинтованными руками и головами. Были и такие, которым помогали двигаться их соседи.

Они шли без погон, без знаков различия. Я до этого и после этого никогда не видел, но этот образ у меня сохранился на всю жизнь. И это для меня фашисты это жалкое отребье, а не те щелкающие сапогами вытянутые в струнку щеголи из наших современных фильмов.

В первом ряду моё внимание привлекли три фигуры. Самым в крайнем ряду шагал молодой «фриц» (простите меня за жаргон того времени). Он с любопытством оглядывался по сторонам и впитывал впечатления от прекрасного города, словно это была экскурсия. С другого края шел крепкий мужик в полностью застегнутом, хотя и грязном помятом мундире. В глазах его светилась ненависть. Я и так дрожал от того, что эти немцы могут сейчас прорваться и напасть на нас. А от этого ненавидящего взгляда было еще страшнее и неудобнее.

В середине шел высокий гордый офицер. Он полностью сохранял достоинство и всем видом показывал ничтожество всех, кто шел рядом с этой колонной. Рядом по пешеходной дорожке шли люди – в основном женщины. Они ненавидели этих животных, несмотря на жалкий вид этих немцев.

Особенно их раздражал высокий офицер. Рядом с колонной шла женщина и молча с ненавистью, плевала в колонну. Она старалась попасть в этого офицера, но это было нереально. Он шёл спокойно даже не пытался уклоняться. Конвоиры шли, неся свои штыки, а свободные конвоиры даже не пытались её урезонить. Но тут случилось то, что можно было ожидать, из толпы вылетела женщина и вцепилась этому офицеру в горло. Она не кричала, она выла, потом попыталась впиться зубами в его шею.

Колона задержалась. Конвойные стояли, даже не опустив штыки. К женщине подбежали охранники и осторожно на руках отнесли к стене дома. Все молчали. Она лежала молча с остекленевшим взглядом, а колонна вместе с людьми пошла дальше. Сразу нашлись в толпе «знающие люди». Постепенно разошлась информация, что все в её семье погибли, взрослые в бою, а дети от голода. Но кого можно было этим удивить. Это было во всей стране. Но вдруг после этого момента в моей душе разгорелась ненависть. Я думаю такая же, как у волка на охотников. Я ничего не рассуждал. Я понимал, что я сейчас тоже кинусь в колонну и загрызу, задую всех кого смогу. Исчезло чувство страха, наверное, и боли. Только злость и ненависть к этим убийцам. К надменному офицеру, наглому и ненавидящему нас и даже к этому улыбающемуся юноше. Пробриться ближе я к ним не смог и остановился. Олег своим детским умом, состарившемся в годы блокады, понял, что у меня, что-то не то.

Брось ты эти слюни! Пошли во двор сыграем в футбол! Я дома нашел тряпки и сделал отличный мяч!

Мы пошли во двор, и всю свою ненависть я всадил в мяч. И если бы он не был из тряпок (других в наше детство мы не видели), то все окна на первых этажах были бы разбиты.

Все, казалось, прошло. Но оказывается эта ненависть жила и живет во мне.

Теперь она тоже живёт во мне. Теперь уже я могу её объяснить. Я понял, что слово может нести кровь. И делать из людей любой культуры орудие убийства. И когда я слышу или читаю о превосходстве любой расы, нации, религии или о территориальных претензиях одной стороны к другой у меня опять возникает во рту вкус крови, в глазах трупы и снова вскипает неосознанная злость, рвать горло и отомстить за погибших на нашей Земле.

С другой стороны во мне живет идеалист фантаст.

Я знаю, что все матери плачут о погибших детях одинаковыми слезами. Я верю в тот час, когда любой человек без опаски может пройти, приехать и жить в любом месте Земли, не мешая другим. Меня до сих пор бесят досмотры на таможах между государствами бывшего СССР. Я не могу поверить, что это нужно для их национального приоритета и гордости. Хотя у меня было такое же ненавистное чувство, когда в аэропорту Мексики таможенники копались в вещах моих маленьких внучек.

Подозрение рождает ненависть.

Я понимаю, что может это нужно для безопасности и сохранения жизни других.

Но все страны имеют религию. Она квинт-эссенция опыта. И все из них – христианство, мусульманство, иудаизм, буддизм говорят о святости и главной ценности жизни человека.

Дальше продолжать не буду. Вы теперь понимаете, почему я вначале боялся начинать эти воспоминания.

А теперь вторая часть.

После прохождения пленных немцев, через некоторое время, их начали использовать для восстановления разрухи. Их использовали, в основном, на строительстве дорог и восстановлении домов.

Небольшое отступление.

В кинотеатрах шли интересные фильмы. Это были и бывшие немецкие, например, «Девушка моей мечты». Говорили, что это был любимый фильм Гитлера. Там играла хорошенькая актриса Марика Рок. И были сцены непривычные для советской публики, например, когда она танцевала полностью не одетой на бочке. Одной этой сцены было достаточно, чтобы народ валил валом. Дальше была американская серия про «Тарзана» – мальчика, который с детства попал к обезьянам и был ловкий как зверь, наивный, но справедливый, как человек.. Все мальчишки воспроизводили его гордый крик, и подражали движениям его преданной служанки обезьянки Читы. Рассказывать это невозможно.

Так же как невозможно передавать прекрасные мультфильмы Уолта Диснея «Бемби». Про красавца оленя. Этот фильм можно увидеть в Youtube.

Как ни странно, эти радующие людей фильмы, были первыми признаками холодной войны.

Каждый фильм начинался словами:

«Этот фильм взят в качестве трофея нашими войсками».

Таким образом, снимались претензии американцев. Потому что они под конец войны все-таки открыли второй фронт. И с ними пока еще была дружба.

Вернемся к пленным немцам. Около нашего дома ежедневно проводили пленных и они разбирали завалы разрушенного дома откуда я привел своего друга (см. предыдущие главы).

Они не спеша разбирали кирпичик за кирпичиком и складывали в кучу. Когда приезжал грузовичок, они складывали кирпичи на него и организовывали отдых. Наблюдал за ними один солдат, выделенный из регулярных войск комендатурой.

В начале мы мальчишки подходили осторожно. Все – таки страх перед немцами не прошел.

Однажды во время отдыха один из немцев вынул из кармана губную гармошку и стал играть вальсы Штрауса. Нам понравилось, мы слушали, а потом под безразличные взгляды конвоира мы подсаживались к пленным. И вдруг он с большим акцентом заговорил: «Можно поесть! Хлеб!» Мы его поняли и начали приносить собой, кусочки хотя у самих было не густо, но уже начала приходить американская помощь по ленд-лизу. У меня была маленькая пачка сушеных бананов. Детям их выдали в управлении домом (жакте). Я её отложил и вынимал по выходным один сушеный банан. Так вот эту пачку я притащил немцам. И они с благодарностью ели. И один из них показал нам жонглирование 4-мя камнями.

Потом их перевели на другой объект. И я забыл этот эпизод. Но уже в более взрослом состоянии Олег меня спросил: «На кой черт мы их кормили?» И мама часто мне поминала с сарказмом: «Жалостливый ты наш! Как ты на наши могилки ходишь? Спокойно тебе?»

У меня до сих пор нет ответа.

Вот так и живу с ненавистью и милосердием. Не зная, когда и что проявится.

Только твержу: «Не распускайся! Благодарность одного цвета». Вот такая травма.

Расцвет и смерть конторы

Часть первая. Расцвет конторы

Вступление к первой части

*Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице, в бока впился корсет», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо,
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина. Даже с бороною.
Саша Черный*

Прежде чем вы начнете читать эту книгу, скажу прямо, что это все неправда и все, что тут написано никогда не происходило ни с автором, ни с его друзьями и знакомыми, хотя все написано от первого лица. Так что я готов заранее признать свою вину, если кто-то увидит в героях свои черты или поступки. Если какие-то организации сочтут, что это про них, то я готов изъять куски из текста и согласиться с опровержениями. Если кто-то осудит героя и припишет мне его грехи, то я готов за него сознаться, что «да» я был не прав и больше так делать не буду.

Автор немного вольно обращался с историческими лицами. Везде он старался следовать документам по истории, но трактовку их поступков и достижений брал на себя. Я хотел сказать, что они такие же люди, как и все, но только гениальные, так что остается только завидовать, что они смогли, а мы нет.

Так-что будьте благосклонны и успешного чтения.

Глава 1.1 Начало

Зазвонил мой служебный телефон. – Алло!

Это звонил начальник отдела кадров. «Вам надо пройти в комнату переговоров». Я хорошо знал этого чинушу, мы не раз за одним столом обедали и вели нейтральные беседы. Но сейчас звучал официальный голос с металлическими интонациями. Это означало, что он по делу или звонит в присутствии кого-то незнакомого. Я спустился вниз в проходную. За ней начиналась зона, где можно было свободно находиться посетителям. Там же была комната, для переговоров с ними, пока им не выпишут пропуск. На этот раз у комнаты дежурил начальник отдела кадров, что было само по себе удивительно. Значит, там находилось какое-то важное начальство. Но почему его не допускали на территорию Института, я не понял. Начальник взял меня под локоток, что мне не понравилось, и я вежливо освободился. – Ну, ладно! – выдохнул начальник и пропустил меня первым в комнату. В комнате в углу за столом сидел красивый блондин. В идеальном костюме, он очень соответствовал образу чекиста. Этот образ я усвоил по многим сериалам. И его голос: «Проходите, садитесь!» – был настолько знакомым и ласковым, что у меня не осталось сомнений, что я угадал его занятие. Дальше я ожидал, что он вынет

книжечку и отрекомендуется: «Капитан,*****». Но этого не произошло. До этого со мной беседовали разные вежливые люди. В основном это были ученые старой школы. Но тут была холодная вежливость. Потом я часто встречался с такой вежливостью, и в этой организации и даже в нелегальном обществе ленинградских фашистов. Но сейчас это было впервые. Вежливая реплика – «Мне рекомендовали Вас, как талантливого молодого ученого». Начало было для меня неожиданное. Еще никто не говорил мне такого. Да кому было дело до моей талантливости, все пахали одинаково и решали те задачи, что ставили шефы или возникали по ходу работы. Дальше следовал неожиданный душевный вопрос. – «Над чем вы сейчас работаете?». Тоже было для меня неожиданно. Я не числил себя важной персоной, чтобы незнакомые люди интересовались моими работами. Я подумал: «Сейчас спросит о здоровье». Но молчать было неудобно, и я открыл рот, не понимая, что происходит. – «В настоящее время» – протокольно начал я, – «веду свою часть алгоритмов по основным процессам управления». – Да нет! – досадливо бросил он. – Расскажите мне про теорию. Вот тут мне стало не по себе. Такая организация знает столь тонкие математические предметы! Да и откуда они узнали, что я занимаюсь этим. Но скрывать было нечего, хотя я просто не был подготовлен читать популярные лекции по вопросам современной математики. – «Исследую приложение конечных полей Галуа для описания дискретных процессов». – «О-о-о!» протянул он. – И чего Вы там достигли?

Я явно был в тупике. Что-то мне подсказывало, что субъект не знал этого предмета, но что ему было нужно, я не понимал

И тут блеснул некоторый луч, осветивший закоулки моего сознания. – «Вы кому—нибудь сообщали свои результаты?»

– Вот! Это суть.

– И как хороший следователь по этой маленькой детальке, я понял, что это и есть основная цель беседы. Но это была только догадка. – «Да, делаю кое-что!» – протянул я. А теперь надо немножко пояснить для современного поколения. Это были годы, когда компьютеры были большими устройствами и занимали этажи. И поэтому переписка шла по обычной почте, как это делали веками большинство ученых. Значит, это не удивительно, что незнакомый мне сотрудник знакомых мне понаслышке органов интересуется моими работами по полям Галуа. Этот человек – феномен, занимаясь работой, которая «опасна и трудна», вряд ли хорошо знает дискретную математику. Этот человек хорошо знает мою переписку!

Что я там написал, кроме того, что у нашей власти отрос большой орган, употреблял разные непотребные слова? Нет, что-то более серьезное привело его. Я ждал следующего вопроса. Но он заботливо сказал: – «Не буду утомлять вас. Мы еще не раз поговорим. А вы пока подумайте и в следующий раз расскажите чего—нибудь на тему вашей работы». Встал, заканчивая разговор, и добавил.

–«Еще подумайте, Вам ничего не говорит имя Казимир Беллучи?»

«Вот так! – подумал я – «Опять проклятая неизвестность!», – сказал муж, не разглядев, кто лежит в его кровати рядом с женой.

Не скажу, что я вышел спокойно, под взглядом начальника отдела кадров. Но разум мой работал. Хотя переписка с американским ученым Казимиром Беллучи была, но она не касалась основной моей работы, а только моей домашней теоретической работы, и я не находил в ней никакой крамолы. А крамола-то была!

В самом моем существовании. И в том, что независимые мысли, даже научные, возникают только в свободной среде и принадлежат многим людям. Но об этом потом. Я вспомнил, что, подписывая форму на секретность, я подписал пункт, по которому я должен был докладывать о своей переписке с иностранными гражданами. Вот тебе и повод для беседы с доблестными органами. А теперь изложу по порядку.

Глава 1.2

Начало крамолы

Моё почти психическое заболевание началась в институте, где я впервые прочел работы академика Николая Владимировича Горянского, посвященные кибернетике. Эта наука в официальной пропаганде называлась, как реакционная лженаука, возникшая в США и других странах во время второй мировой войны, форма современного механицизма.

Это было смешное и странное время. Уже не было Сталина, но официальная пропаганда муслировала работу Сталина «Вопросы языкознания» и вторую работу «Экономические проблемы социализма».

Что за прелесть были эти работы!

«Законы не изменяют. А их изучают и используют» – писал товарищ Сталин. В это фразе было столько же информации, как надписи на туалете общего пользования. «Уходя, гасите свет».

Но их воспринимали серьезно. Изучали. Трактовали.

Кроме того, всем прививалась вера, что марксистское учение открывает глаза на все.

Это очень хорошо использовалось нечестными людьми на каждом шагу и во всем. В том числе и в науке.

Как сегодня выясняется, никто не запрещал кибернетику и генетику. Правда, при этом игнорируются реальные людские жертвы, как академик Николай Иванович Вавилов. И много других.

Просто генетика не соответствовала положениям марксизма в понятии великого ученого Трофима Денисовича Лысенко.

По академии наук ходила байка.

Лысенко выдвинул в академики своего ученика. Этот ученик достиг «больших» результатов. Он отрубал хвосты нескольким поколениям крыс и, наконец, по словам Лысенко и его сотрудников, добился того, что рождались крысы без хвостов. Это было подтверждением, что потомственные признаки формируются внешней средой, а не передаются по наследству.

За такую работу он был, выдвинут в академики.

При обсуждении этого вопроса встал один из членов академии и сказал следующее.

– Это великое открытие, но оно противоречит моему личному опыту. Евреям мужского пола вот уже 5 тысяч лет делают обрезание. Годы идут, а работы раввинам не убывает.

– Уже много лет как стоит Земля, мужчины, регулярно лишают девушек девственности, но пока все девушки рождаются в соответствии со старыми признаками. Я не могу голосовать «За!», и кандидат в академики был провален.

Позднее выяснилось, что результаты опытов с крысами были подделаны.

В кибернетике все было сложнее.

Да, её действительно никто не запрещал. Отмечалось, что это корыстное буржуазное стремление заменить рабочих роботами. Отмечалось, что нельзя воплотить нематериальные мыслительные процессы в материальной среде.

У меня особое мнение. Оно заключалось в следующем.

Сам термин «Кибернетика» появился под влиянием американского ученого Винера, и сформулирован в названии одной из его книг.

Но до войны появилась работа Тьюринга «Мысленные опыты с реальными автоматами». Был и ряд других работ, например, фон Неймана, не претендующих на открытие новой отрасли. Так что идеи витали в воздухе. Но как всегда, гений сказал то, что не могли сказать другие.

Его первая книга «Кибернетика или управление и связь в животном мире и машине». До этого он много занимался системами противовоздушной обороны.

Эти системы сразу наводят на мысль о способе поведения живых существ. Не зря в дальнейшем его ученики писали математические трактаты о живых существах. Например, «Погоня летучей мыши за бабочками»

Нельзя сказать, что власти перекрывали работы по автоматизации производственных процессов. Нельзя было только развивать теорию.

Но в этом был соблазн. Заниматься кибернетикой постепенно стало признаком оппозиции и фронды.

Надо сказать, что и теория потом начала развиваться, и даже современные исследователи пишут, что она развивалась в ущерб практике. Нужны были программисты, а было много математиков, рассуждающих на эту тему. Моя точка зрения, ничего этого не было слишком, ни математиков, ни программистов.

Правда, я думаю, что новые идеи нуждаются в трех безумцах.

Это ученый, который, несмотря на то, что тревожащая его идея «никому не нужна», продолжает думать о ней. Как Генрих Герц, обнаружив радиоволны, высказался, что это явление никому не нужно. А через несколько десятилетий уже работала радиосвязь.

Второй «безумец» – это инженер, конструктор и, как говорят сегодня – менеджер, который чутьем уловит интерес к этой идее. Он возьмет на себя труд по реальному изготовлению и организации испытаний этой идеи. И займется неблагодарной работой: от найма дворников до изготовления печатного монтажа, и прочей прозой. Обычно их имена не помнят или эти имена связаны с небывалым материальным процветанием.

И, наконец, противоречивая фигура. Это специалист, которого никогда не было в истории СССР, и пока нет сегодня в России.

Это человек, который вложит свои деньги в это дело. Подчеркиваю СВОИ с корыстной целью получить прибыль. Его характеризует чутье на прибыль, а может быть желание меценатства или сочувствие ученому. Но во всех случаях он рискует своим капиталом, частично или полностью, и своим благополучием. Такой был на моем пути, но об этом дальше.

В истории СССР и других стран были случаи вложения государства в ученых, и они работали на уровне открытий, но до освоения почти не доходило.

Все эти деньги уходили на великолепные здания, персонал и высосанные из пальца идеи.

Такова природа человека. Пока над ним не висит палка личного благополучия, он поддается соблазну меньше сделать, больше получить.

Продолжая историю болезни, скажу, что труды академика Николая Владимировича Горянского я нашел в Ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Щедрина. Это было удивительно. Его уже называли проводником идеализма и чуждых идей. Но книга почему-то не была изъята из библиотеки.

Я взялся за её чтение, и не просто чтение, а конспектировал книгу. Причем разделил листы тетрадки на два столбика. В одном выписывал заинтересовавшие меня фразы, а в другой столбик мои комментарии.

Ну и нахальные же это были комментарии, там был мой юмор, но часто я повторял за автором математические выкладки и делал свои варианты. Сегодня я читаю эти комментарии и понимаю, как нахален и как прозорлив был мальчишка. Сегодня юная дерзость вызывает у меня восторг и я люблю таких молодых людей.

Это было применение Булевой алгебры для построения логических объектов.

Буль был из тех, которым, на мой взгляд, повезло. Он долго жил в захолустье (был учителем математики в школе), и потому не поддавался всеобщему увлечению – дифференциальному исчислению. Хотя потом и опубликовал несколько трудов в этом направлении. И он занялся математической логикой.

В настоящее время она кажется примитивной, но он один из первых внес символы и записал многие законы логики Аристотеля в виде формул. Он показал, что эти законы подчиняются почти арифметическим правилам.

Правда, опять же, на мой взгляд, никому это в то время было не нужно, но с появлением вычислительных машин и формальных языков, все это вдруг «заиграло».

Мое молодое мышление не то, что протестовало, но понимало, что математика давно вырвалась за пределы Булевой алгебры. Даже в 19-м веке формулы механики позволяли рассчитывать машины, открыть Юпитер.

А математика Буля позволяла только перечислить требования к программе и немного их преобразовать.

Уже тогда меня осенила идея применения рекурсивных функций и приведение логики к преобразованию уравнений.

Вот тут и начиналось то, что заинтересовало органы. Я это не осознавал. Так же как не придавал значения тому, что эти работы рождались в условиях полной информационной свободы.

Анекдоты и фильмы о рассеянных ученых создавали мифы об их закрытости. Ученый не может быть закрыт. Он должен иметь доступ ко всем научным богатствам мира. Иметь общение со всеми. Спорить, узнавать мнения.

Я начал с невинных поступков, и я даже не подозревал, к чему это приведет.

Глава 1.3

Первая статья

Мои теоретические исследования успешно продвигались. И, наконец, был получен первый результат. Достаточно логично сформулированная проблема могла быть реализована путем несложных преобразований в любую другую формальную систему – например, формулы Булевой алгебры в схемы на релейных контактах, микросхемы и даже команды формальных языков.

Через некоторое время я написал первую свою статью.

Чтобы понять это событие надо вникнуть в психологию того времени.

Писали статьи все, кто хотел написать диссертацию. Кандидатская степень давала существенную прибавку к зарплате. Так что – ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

Многие выбирали, а точнее получали темы от научных руководителей. Это были задачи, относительно которых уже было ясно, что их, возможно решить, и как их решить. Как тогда выражались – стрельба по видимой цели.

Кроме того, они имели четкую практическую направленность, иначе защита диссертации осложнялась.

Моя статья выдавала себя своей «лоховостью». Стрельба по невидимой цели. Во—первых, не ясно было для чего она написана и математический аппарат был необычным для окружения.

Статья должна быть рассмотрена редакционной комиссией, в которой сидели достаточно уважаемые люди. Но! В ту эпоху в число обязательных документов для представления статьи нужны были отзывы. Не подумайте, что ученых. Нет! Секретаря парткома, и начальника патентного отдела, и начальника секретного отдела.

Первая ловушка была в патентном отделе. Там надо было доказать, что статья не содержит сведений, подлежащих патентованию

С одной стороны вроде все правильно, а с другой стороны если она не содержит ничего нового, то зачем ее публиковать. А если в ней что-то есть, почему не подать заявку на изобретение. Замечу, что такие заявки проходили годами и почти 80% заканчивались отклонением.

Секретный же отдел смотрел, нет ли там секретных сведений. При этом еще рассматривалась возможность использования во вред стране. Парторг же смотрел, чтобы на статье были нужные фамилии, лучше начальников.

У меня была непонятная по теме статья, подписанная одной фамилией.

Начальник парткома посмотрел принесенную статью и очень бегло прочитал ее. Я удивился, что за столь короткое время можно войти в суть мировых загадок.

Конечно, его резюме было однозначно: «А начальник твой смотрел? Пусть подпишет».

Начальник моего отдела был простой человек. Он уже проникся моей компетенцией в деле настройки аппаратуры, и с сожалением спросил: «Ну, зачем ты так!»

В это фразе звучала вековая тоска и жалость к юродивому человеку, еще не знающему жизни. «У нас с тобой дела не вприворот, а ты тут лезешь с этим. Хочешь, я тебе устрою сверхурочные работы. Получишь реальные деньги, а это только маета». Это было действительно лестное предложение, учитывая мое материальное положение.

Потом он добавил.

«А первый день, когда поступишь в аспирантуру, будет последним днем твоей работы и приличных заработков». Но завизировал и сказал: «Думай сам». После чего горестно вздохнул и отдал бумагу.

Начальник секретного отдела тоже не был в восторге от моего творчества и коротко сказал – «Оставь!» – это тоже не предвещало ничего хорошего. И я виновато вышел из комнаты.

Через день мне вернули бумаги с его визой.

Я подал статью в редакцию.

Далее все было проще, и редакционная комиссия сочла возможным рекомендовать к публикации.

День, когда вышла моя первая статья, был ничем не примечательный. В столовой я показал ее коллегам. Отзыв бы самый замечательный: «Дуй дальше! Когда получишь Государственную премию, не забудь организовать банкет!».

И только мама, взглянув на статью, вдруг пролила слезу: «Сколько здоровья тебе это обошлось». Она как всегда была права. Это мне обошлось в целую жизнь.

Глава 1.4

Визит к академику

Письмо

«Уважаемый Николай Владимирович!

Я в течение уже 3-х лет занимаюсь теорией построения логических объектов.

Мне хорошо известны ваши труды, на которых я многому научился. Вы создатель метода, который позволяет автоматизировать создание логических схем на механических контактах.

Это блестящая идея. Она изложена в Вашей книге. Но мне удалось, используя результаты математических работ Владимира Кухарева, предложить метод создания схем на произвольной системе элементов, включая команды языков и программирования обеспечения.

Глубоко уважая Вас и Ваши труды, я хочу попросить сделать второе издание Вашей книги с учетом предложенного мною метода. Мне достаточно будет, если будет упомянуто мое имя и сделаны ссылки на мои статьи».

Ответ на письмо.

«Уважаемый Игорь Михайлович!

После получения Вашего письма я прочел Ваши статьи. Действительно – это большое достижение. И если бы это было не так, меня бы очень обидело предложение использовать Ваши результаты. Я никогда не ставил подпись под чужими работами. Посмотрев Ваши статьи, я понял, что они заслуживают опубликования. Я предлагаю Вам послать заявку на публикацию в издательство, а я напишу рекомендацию и ее опубликуют.

Желаю Вам дальнейших успехов.

Вы еще молоды и успехи будут.

Николай Горянский»

Труды Кухарева, имя, которого я упоминал в письме, я знал наизусть. Это были невероятно талантливые работы. Они основывались на чисто формальных выкладках и абсолютно новой математике.

Как я в то время ненавидел так называемый «здравый смысл». Любое хорошее открытие противоречит этому смыслу. И только по истечении времени широкие массы начинают привыкать к новым результатам, а потом, как, например, электричество, употреблять, забыв о борьбе школ и страданиях изобретателей.

К моему удивлению, после опубликования изумляющих результатов, Кухарев исчез. И только через много лет я встретил растолстевшего полковника Кухарева и, зайдя в ближайший ресторан, мы начали беседовать.

Он рассказал, о том, что его научные идеи не вызвали никакого интереса, что типично почти для всего человечества. Кроме США, где ценят инновации и готовы рисковать деньгами. А он не Дон Кихот, у него двое детей, и жить он хочет спокойно. Слава его волнует только в виде личной машины и дома за городом, где будут отдыхать его дети.

Так что история типовая.

Оставляю Кухарева и продолжу излагать свою версию моего морального падения, которая и заинтересовала государственные органы.

Однажды, под День Радио, неожиданно получил открытку:

«Уважаемый Игорь Михайлович! Поздравляю с этим профессиональным праздником и жду вас у себя на даче. Далее шел адрес и инструкции, как добратсья».

Подпись Н. В. Горянский

Конечно, это было лестное приглашение, от которого нельзя было отказаться. Да я и не собирался отказываться. Для меня большое удовольствие заключалось в наблюдении жизни ученых старой школы.

Я с большим уважением наблюдал, как один из таких ученых отказался подавать руку молодому человеку, когда прочитал его статью и увидел, что она целиком списана со статьи американского ученого, даже без ссылки. Это был «плагиат», на это сейчас смотрят снисходительно.

Я видел, как один из старых ученых отказался от очень выгодного обмена своей квартиры, поскольку надо было иметь дело с человеком, которого он считал непорядочным в науке.

Это может вызвать смех, но сопровождается завистью и уважением к морали старых ученых.

В поиске истины я понимал, что «нормальная математика» для практических вопросов разработки алгоритмов и программ не подходит. Все в ней ясно и $2 \times 2 = 4$. В рассуждениях человека, закрепленных в формальных правилах программирования, это не так очевидно.

И если математики-механики хотят представить бесконечность, они легко оперируют этим понятием. Хотя и для них не ясно – эта бесконечность реально существует или человек подразумевает под этим явление, которое может быть продолжено. Все что мы пытаемся реализовать в компьютере – схема или программа – работают с конечными величинами.

Конкретно поставленная мной задача состояла в том, чтобы по точкам ожидаемых результатов программы собрать функцию из дискретных элементов.

Всякий, кто занимается теорией, знает, что всякая задача требует невероятных усилий, но когда ты ее решишь, оказывается, что ее уже давно решили другие.

И тут надо сказать о душах живших на Земле людей.

Несколько слов о душах

Надо сказать, что об этом предмете у меня своя точка зрения. Я знаю, что души после смерти сохраняются. Но это никакие не облачка, прозрачные и проходящие через все объекты. Это конкретно звучащие мысли.

Я, например, всю жизнь чувствую присутствие матери, ее поучения. Это не только правила поведения за столом.

«Не качайся, убери руки, чтобы было удобно рядом сидящим». Голос, произносящий эти фразы, я периодически слышу отчетливо, и это передам сыну и внукам.

«Смотри на Землю, а не в небо». Это означает, не завидуй тем, кто живет лучше, смотри, как помочь живущим хуже.

Можно много узнать от этого родного и утешающего голоса. Но не менее важные души – это души великих людей.

Читая их книги, я беседую с ними, соглашаюсь, спорю. Иногда похлопываю по плечу. Это же были нормальные люди, но с болезненной заботой обо всем человечестве, и твердым характером при защите истины.

Когда Бекон пишет о том, как тратить деньги, я вижу, как он поучает свою жену и детей. И я был уверен, что когда Эдуард VIII назначил его премьер-министром, он завалит дело. Несмотря на свой ум и теорию, он не был специалистом в этом вопросе, как сейчас говорят, менеджером, и довел страну до революции.

Когда Монтескье пишет о великих людях и замечает, что они спят с женами и ходят в туалет, как обычные люди, я понимаю, что при этом у него на столе стоит кружка хорошего пива и с ним можно потрепаться. Но, тем не менее, он мыслит и озвучивает философские постулаты, выражая то, что я думаю, но никогда не смог бы их сформулировать.

В то время меня очень интересовал создатель теории конечных полей Эварист Галуа.

Этот юноша прожил на Земле немножко больше 20-ти лет, но за это время он поучаствовал в Революции, написал работы по двум самым серьезным областям математики и погиб на дуэли. По легенде он соблазнил любимую девушку своего близкого приятеля, и они устроили беспощадную дуэль на близком расстоянии, где нельзя было промахнуться.

Понимая, что его жизнь кончена, Он послал свои работы своему другу, который ничего не понимал, но сохранял работы 15 лет и послал редактору математического журнала. И через 15 лет мир, ученые ахнули от идей этого молодого человека.

Одна из этих задач тогда исследовалась многими (решение уравнений выше 4-ой степени), и ее никто не мог решить. Вторую проблему не знал и не понимал никто. Даже знаме-

нитый математик Коши не хотел тратить время на разгадывание этих загадок и выбросил его работы в мусор.

И эта работа только в 20 веке нашла применение, например в линейной алгебре, теории чисел и криптографии.

Я четко понимал, что запись логических функций и постановка задач в программировании лежит именно в этой области.

Я решил поговорить с Николаем Владимировичем про применение этих конечных полей Галуа.

Но все пошло иначе.

Почему-то в этот день пошел дождь. Такого дождя не было ни до моего визита, ни после.

Я вылез из электрички и пошел по дороге до развилки, как это было написано и даже нарисовано в письме. Конечно, по своему убеждению в мужской гордости, я не позволял себе носить с собой зонт. Это, по моему мнению, был признак старости.

Продвигаясь сквозь струи дождя, я увидел на развилке, смешную фигурку человечка с кругленьким пузом и большой лысиной. Он стоял на развилке, прощупывая глазами толпу.

Над собой он держал большой зонт. А второй был в его руке. Эта картина никак не вязалась с образом великого ученого и вызвала у меня откровенный смех.

Я позвал – «Николай Владимирович!»

Его подслеповатые глаза вытащили меня из толпы.

«Игорь Михайлович! Освободите меня скорее от зонта. Я уже давно жду вас».

Тут меня разобрал смех и вместо традиционного «Спасибо!». Вырвалось: «Ну, Вы даете!»

Он надулся. Я взял зонт, и дальше мы шли молча рядом.

Потом он на минутку остановился и сказал: «Запомните! Ваши недостатки – это Ваши недостатки. А мои недостатки это продолжение моих достоинств». Я согласно кивнул головой, и мы молча вошли в калитку его дома.

Дальше встреча опять не пошла по сценарию – «великий ученый принимает своего ученика».

Я был представлен его жене. На удивление молодой и красивой женщине.

Поступила команда академика – «Снимайте брюки! Вы же весь мокрый!».

Поля Галуа ушли далеко. Жена принесла его брюки, которые были мне по колено, но отвисали в животе, и ушла, сказав – «Будьте как дома». После моего переодевания был растоплен камин, перед которым на фигурной загородке повесили мои брюки.

«Дуся! Подай чаю!»

Я не растерялся и спросил: «Как отчество Дуси!»

«Да она вовсе не Дуся» обиделся академик, а Евдокия Аркадьевна.

«Буду знать, спасибо!»

Наконец, мы сели в удобные кресла перед камином. У него на коленях лежала рукопись моей книги.

И началась экзекуция. После столь благожелательного письма, я не ожидал такой реакции.

Первая фраза была похуже холодного дождя.

«Более похабной книги я не читал за всю свою жизнь».

«А что Вам не понравилось?» – спросил я.

«Лучше невежда помолчите, и слушайте» – был ответ. Меня поразило обращение на Вы при такой начальной характеристике, но это было в духе моего представления об академиках.

«С чего вы взяли, что начальная формула принадлежит Кухареву?»

Я понял, что Вы не читали труды Клода Шеннона».

Я рыпнулся, – «В чем он меня обвиняет? Почти в неграмотности». Не знать труды создателя теории информации было стыдно. Я не мог похвастаться, что тогда я его понял до конца, но основные идеи схватил. Он, заметив, мое движение, отрубил «Да, я говорю не то, что все уже знают. У Шеннона первые труды были в 1937 году. Там он впервые написал эту формулу. А Кухарев удачно применил ее».

«И мало того, что Вы свою неграмотность хотите разгласить всем. Вы лишаете себя знания, основных подходов к этой проблеме».

Далее пошел подробный разбор страниц, отмеченных красным карандашом.

На 24-ой странице он пробормотал: «Извините, здесь я ошибок не нашел» и перешел к 25-ой.

Резюме было полным разгромом.

«Так что перепишите книгу и больше мне не присылайте. Я не люблю читать всякую чепуху два раза». И окончательно уничтожив меня, он по мирному вздохнул – «А конечный результат очень интересный! Я буду рекомендовать ее к изданию и на этой неделе пришлю отзыв. Еще один совет, представьте свою работу, хотя бы на одном серьезном научном семинаре». Далее мы перешли в соседнюю комнату, полностью обитую сукном. Здесь была святая святых этого дома – коллекция значков посвященных юбилеям городов. Это было весьма красочное зрелище. Он знал историю городов и историю каждого значка. Я был об этом предупрежден и вручил столь редкий в то время значок города Тамбова.

Эффект был потрясающий, как бывает у детей получивших самую желанную игрушку.

Значок был записан и поставлена моя подпись, и я твердо знал, что, когда будут разбирать архивы этого ученого и моя подпись займет место в истории.

Мои приключения продолжались, и я написал книгу.

Я не знал, что такое «писать книгу». Самое интересное, что это было очень тонкое (по числу листов) произведение. Но все 90 страниц, содержали серьезные доказательства и примеры.

Тут на моем пути повстречался первый редактор – женщина. И началась война. Эта война с редакторами продолжается и сейчас. Они посягают на самое святое, исправляя текст и искажая мои мысли. И как я благодарен им потом, когда в результате этой войны книги становятся понятней и проще в чтении.

Мы встречались с моим редактором в Москве каждый день в течение двух недель. Как мы ненавидели друг друга.

Мои пассажи, с глаголом «является» вызывали гнев.

Как просто – «эти результаты являются подтверждением...»

– «Является только Б-г на землю» по-военному рапортовала редактор (редакторша).

– Почему вы пишете «все вычисления содержатся в таблице, а в таблице одни цифры»? Я за вас пересчитала эти цифры, они должны возрастать в линейном порядке, а у вас... Я чего-то бормотал в оправдание, но следовал быстрый ответ:

– Ах! Вы прозевали одну строчку в таблице? А мне, откуда знать?

– Так что всю главу перепишите!

– Что за фраза «преодолеть предел». Перейти, превысить.

Я слабо отбиваюсь.

– Поймите, сейчас позволено свободно применять слова.

– Вы хотите мне сказать про глаголы «трахнуть», «поймать», «вздрагнуть».

– Так и пишете инструкции для пивных, в нашей редакции Вам делать нечего.

Я уже не говорю, что еще одно мое внимательное чтение моей же книги вызывало и вызывает у меня устойчивое отвращение к написанному и к навязчивому желанию переписать все лучше.

Но книга вышла. Вышла благодаря Николаю Владимировичу и техническому редактору. Надо напомнить, что препятствовала не только цензура. В стране не хватало всего, в том числе и бумаги.

Она уходила в основном на текущие газеты и издание трудов классиков марксизма.

Какое чудо было, когда в первые месяцы рыночной экономики не хватало многого, но бумага появилась в большом количестве.

Кроме того, социалистический принцип планирования был свят. Планировалось все от швабр до печатного слова. Книги включались в пятилетний план. И пройти в этот план могли не многие, и зависело это от многих факторов.

Так что выход книги молодого автора был необычайным событием.

И это сказалось на моей судьбе, но неожиданным образом.

Глава 1.5

Научный семинар

В ту эпоху, когда были «физики в почете, а лирики в загоне», очень были популярны научные семинары.

Это всемирное увлечение. Всемирно известны семинары Ландау, Резерфорда.

Правда, назвать это увлечением – мало, что сказать. Это, наверное, единственный способ воспитания молодых ученых.

Давно уже известно выражение «Гамбургский счет».

В начале 20-го века были популярны матчи борцов в цирке. Это были эффектные зрелища. Очень часто борцы заключали устные соглашения и одни позволяли, а другие проводили эффектные приемы. Публика была в восторге. Сейчас это практикуется в США, где все вылилось в пошлые спектакли, называемые рестлинг.

Такая показуха стирала истинную квалификацию спортсменов. Чтобы установить истинную иерархию, они пришли к тому, что договорились проводить закрытый турнир в Гамбурге.

Эти турниры проводились в закрытых залах, при отсутствии публики.

Это было очень некрасивое зрелище, когда два крупных самца, пыхтя и потея, со злостью физически издевались друг над другом. Но это позволяло выяснить, кто же из них сильнее.

Хорошие семинары – это тот же «Гамбургский счёт». Это не имеет ничего общего с картиной «Молодые таланты с блеском демонстрируют свои достижения».

Это вынесение еще неоконченных работ, неполученных результатов.

Опытные научные руководители настраивают аудиторию, которая обычно постоянна: «Разорвать докладчика на куски».

«Добрая» обстановка идет во вред докладчику.

Я обратился к одному из авторитетных научных руководителей – Льву Соломоновичу Дымщицу.

Глава 1.6

Руководитель

Это был, пишу этот глагол «был» с сожалением, большой ученый, руководитель, воспитатель молодых ученых.

У него было больше сотни аспирантов, которые его до сих пор вспоминают с благодарностью.

Была у него небольшая слабость – женщины. Несмотря на то, что он жил со своей женой в полной любви и умерли они почти в один день.

Ну, довольно о грустном, тем более что он не любил грустить. И был лихой «водила»

Я вообще не понимаю, почему осуждают мужчин за любовь к женщинам. Без этого не было бы радости на Земле. Более того, красивых женщин не осуждают за то, что они позволяют ухаживать за собой многим мужчинам.

А умные и успешные мужчины для женщин очень привлекательны, и мужчины часто не могут устоять от массовых атак и предложений.

Вспоминаю более позднее время. Ресторан «Астория». Два банкетных зала, рядом. Между ними и общим залом темный коридор. И после достаточного количества спиртного я с моей соседкой вышли «отдохнуть» в этот коридор. Вначале, занятые друг другом мы ничего не слышали. Потом она мне со страхом сказала: «Тут кто-то есть!». Я высвободился из ее объятий и прошел в другой угол и там мои глаза, привыкшие к темноте, разглядели его и его даму.

Я подошел к своей подруге и сказал: «Идем!»

«А почему мы?»

«Это мой учитель»

И она покорно вернулась в застолье.

Мое предложение Руководителю звучало как предложение руки и сердца: «Прошу взять меня в аспиранты».

Он благожелательно посмотрел на меня.

«Слышал! Слышал!»

Но Вы – (пока еще он ко мне обращается на Вы) – занимаетесь конечными автоматами, а я теорией массового обслуживания.

Мне надо было как-то выходить из этого положения.

«Но я думаю, что это две стороны одного вопроса, управление системами передачи информации и Ваша школа будет неполной, если кто-то не займется этим вопросом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.